

Литература и искусство

призвания

Есть какая-то чуткость и даже настороженность в ранней весенней природе, в ее прозрачной тишине, нарушаемой разве только легким теньканьем синицы, во внешней ее неподвижности и покое. В такую тишину я и охнул, идя по узким аккуратным улочкам писательского поселка Переделкино. Стройные, вытянутые, как струны, осины, белые струи берез, темные каркасы дубов словно прислушивались к чему-то перед тем, как охватит их зеленое пламя листьев, перед тем, как заговорят они своими раскидистыми кронами.

Но среди этой весенней тишины я словно услышал вдруг один голос, даже не голос, а целая повесть вдруг развернулась передо мной, когда увидел у самого полотна дороги крикливо дуб.

Что же не жилось ему спокойно в чаще, среди своих молчаливых собратьев? И словно вышел он на самую дорожку, чтобы видеть каждого, проходящего по ней, чтобы обнимать его своей кроной, мощным шатром нависшей над дорогой, и невидимыми корнями, зарывшимися под полотно.

С этой неотвязной мыслью о могучем древе, встретившемся по пути, я и подошел к переделкинскому дому известного советского писателя, Героя Социалистического Труда Вадима Михайловича Кожевникова накануне его 75-летия.

Писатель находился под впечатлением только что завершившейся сессии Верховного Совета СССР, в работе которой он принимал участие как депутат высшего органа народной власти. На его рабочем столе я увидел материалы сессии, газеты. Здесь шла повседневная работа, о масштабах которой мы порой и не догадываемся, открывая его новое произведение.

— Вадим Михайлович, центральное место в вашем творчестве занимает тема гражданского и воинского долга, тема воинского подвига. И это обусловлено биографически. Ведь с первых и до последних дней Великой Отечественной вы были на фронте, прошли фронтальной путь до самого Берлина.

— Да, но с армией свою судьбу я связал раньше. Можно сказать, что на войну я ушел еще до... войны. С осени сорокового года до середины июня сорок первого вместе с группой писателей и журналистов я проходил курс военной подготовки корреспондентов при Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Это были месяцы и дни, когда мы жили с ощущением надвигающейся войны с фашистской Германией, когда с каждым подъемом по тревоге сознание пронизывала мысль: «Неужели началась?» А потом, когда началась вой-

на, я был направлен в газету Западного фронта «Красноармейская правда». Потом стал корреспондентом «Правды».

Виденное, пережитое и понятое на войне для всех нас стало мерой того, каким человек может быть, каким он должен быть. Сущность советского воина, человека сильного, с красивой и твердой душой,

«латать», а ребятам летать не на чем...» В этой фразе ведь не только бережное отношение к материальной части, но некое нравственное здоровье человека, умеющего в ситуациях исключительных говорить так просто и обыденно. И это достигается не только воинской выучкой, но всем процессом воспитания.

явилось уже в моей первой повести «Кипяток», которую прочитал А. М. Горький. Там я изображал старика, человека неприметной профессии — он готовил кипяток рабочим. Но умел это делать так, что его все уважали. То есть и в таком, казалось бы, простейшем, но необходимом деле он сумел проявить себя.

ригами. А вот то, что такие качества являются определяющими для сегодняшнего нашего воина, несомненно. Сошлюсь на пример, очевидцем которого мне довелось быть в одной из частей. Проводились испытания оружия. И вот случилась неисправность, причину которой никак не могли установить. И вдруг подходит солдат и говорит, что неисправность произошла, видимо, по его вине, так как он забыл сделать то-то и то-то... С одной стороны, упущение, но с другой — человек пришел и сам признался, чувствуя угрызения совести. Ведь мужество заключается и в том, чтобы суметь сказать правду. Вот такая совестливость, правдивость и есть мера мужества человека, его гражданской доблести.

— И это можно сказать не только о героях ваших военных произведений, но и о героях произведений, посвященных теме рабочего класса, теме социалистического строительства?

— Безусловно. Ибо к какой бы я теме ни обращался, для меня оставался единым сам исток творческого вдохновения, тот ни с чем не сравнимый трудовой энтузиазм и героизм советских людей, пробужденный Великим Октябрем, открывший людям большие возможности в сотворении нового мира.

Обратиться к подвигам советских воинов для меня было естественным и закономерным. Ведь до этого я познал жизнь рабочего класса, сам поработал, знал я и деревню. Поэтому я прежде всего узнавал — кем был солдат до службы, до войны, чтобы представить сам тип человека и потом проникнуть в его характер. То есть мне были психологически знакомы эти люди, будь то капитан Жаворонков из рассказа «Март — апрель», или чекист Саша Белов из романа «Щит и меч», или представитель рабочей династии металлургов Должиковых в романе «Корни и крона». Поэтому, как заметили, у меня и нет резкого разграничения тем соиздательного труда и трудового. Подчеркивая, обнажая эту мысль, я и назвал одну из своих книг «Труженики войны». А в романе «Корни и крона» стремился изобразить трудовую и ратную преемственность поколений, их духовное единство. Потому я и уподобляю их мощному дереву, корнями своими глубоко уходящему в родную землю, питающемуся ее соками. Ведь так и человек живет сознанием причастности к истории своего народа, его богатым традициям, его славным делам, живет любовью к Родине.

— Эти качества, о которых вы говорите, свойственны и нашим сегодняшним воинам. И они, видимо, отражаются в сегодняшней литературе об армии?

— Насчет отражения в литературе дело обстоит сложнее. Слишком уж часто встречается здесь мелкотемье, подлинные человеческие конфликты подменяются нередко ин-

Мера мужества

Встречи по вашей просьбе

я и стремился художественно постичь в своих произведениях. Именно это я стремился увидеть во фронтовых буднях, именно это привлекает меня сейчас, когда я обращаюсь уже с новым жизненным опытом к военному прошлому.

— Опыт военного журналиста помог вам и в художественном творчестве?

— Но ведь это был не просто журналистский опыт, но и опыт жизненный. Чтобы изобразить человека на войне, еще недостаточно увидеть его за боевой работой, надо и почувствовать в ней вместе с ним. Тогда только человек откроется тебе сердцем. И это я особенно ощутил, когда писал фронтовые очерки о летчиках. Я понял, что передать то, что происходит в воздухе, трудно, тем более что летчики не любят распространяться о своих боевых делах. И вот я стал просить командира полка, чтобы меня взяли в полет. Тот сначала наотрез отказал, объяснив, что самолеты загружаются бомбами до предела и, чтобы взять корреспондента, надо снять бомбу, что нежелательно. Но о тихих бомбардировщиках ТБ-3 тогда мало писали, и командир в конце концов пришел к выводу, что корреспондент «стоит» одной бомбы. Снял одну из них, подсыпал. Я оказался легче ее. Тогда загрузили еще контейнер с мелкими бомбами, которые мне и пришлось метать вручную в «заданном районе». Очерк «В полете» был потом опубликован в «Красной звезде».

Или еще помню, был я у летчиков. На моих глазах один из них сбил вражескую машину. Когда он приземлился, я думал, что сейчас боевые товарищи бросятся поздравлять его, обнимать. Но реакция их для меня была совсем неожиданной. Командир сначала осматрел машину, а потом, указывая на пробоины, сказал: «Ну что же ты так неаккуратно? Два дня придется

— В своих произведениях вы исходите прежде всего из подмеченного в жизни и полюбленного вами характера. Но есть в образах героев ваших книг нечто общее.

— Действительно, многие мои фронтовые очерки стали потом публиковаться как рассказы, хотя в них речь шла о конкретных людях с подлинными фамилиями. А общее, видимо, в их характерах то, что это люди, сформированные конкретным историческим временем. А если говорить о самом способе их изображения, то нетрудно заметить, что внешне они часто не приметны. О себе говорят несколько даже иронически, как бы стесняясь своих настоящих чувств. Свою цельность характеров, природную доброту, душевную нежность и чуткость к ближнему они как бы прикрывают внешней грубоватостью. Словом, это совестливые люди. И за их внешней неброскостью — душевное здоровье, вера в торжество разума, в нашу победу. И это первый признак подлинности чувств.

— Как герой вашего фронтового рассказа «Март — апрель» капитан Жаворонков, который не хотел, чтобы его несчастье служило причиной его бестрашия?

— Не только он и не только в этом рассказе. Здесь просто эта мысль сформулирована прямо. В других же произведениях она растворена в самом повествовании. Весь мой писательский и жизненный опыт вновь и вновь убеждает в том, что за этой-то неброскостью в людях кроется главное, проявляющееся в минуты решающие, когда требуется отдача общему делу всех человеческих возможностей без остатка. Оно-то как раз и является подлинной мерой их убежденности, их преданности нашему делу, мерой их мужества.

Я всю жизнь преклоняюсь перед людьми дела. Ведь любой труд имеет свое завораживающее таинство. И это про-

В людях меня интересуют прежде всего возможности их морально-нравственного арсенала, их идейно-политическая убежденность, одухотворенность, устремленность и стойкость. То есть интересует героика повседневности.

— Поэтому вы и обратились к подвигам разведчиков?

— В определенной мере да. Ибо это те мужественные, настоящие, надежные люди, чей подвиг нередко остается безымянным. Ведь подход к теме войны через такие характеры позволяет изобразить единство героизма и гуманизма. Меня привлекали даже не те или иные подробности, а сам склад ума этих людей, их способность подчинять все сферы своего сознания общей цели. Из таких вот качеств людей и складывается героизм.

— Эти качества, о которых вы говорите, свойственны и нашим сегодняшним воинам. И они, видимо, отражаются в сегодняшней литературе об армии?

— Насчет отражения в литературе дело обстоит сложнее. Слишком уж часто встречается здесь мелкотемье, подлинные человеческие конфликты подменяются нередко ин-